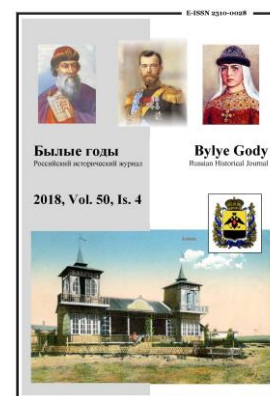

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1397-1405. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1397
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Transformation of Caste Consciousness of Siberian Gypsies in XVIII – at the beginning of XX centuries as a Factor of Their Cultural Socialization

Olga N. Naumenko ^{a, *}, Evgeny A. Naumenko ^b

^a Ugra State University, Russian Federation

^b Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article considers the process of socialization of Roma in Siberia through the transformation of caste representations on the basis of the synergetic approach. The authors believe that in Siberia this process is faster than in Russia as a whole because of the climatic, social and cultural characteristics of the region. As a result a group of "Siberian Gypsies" appeared which is fully integrated into society and preserved the traditional culture. The research is based on the analysis of two groups of caste norms in the culture of Siberian Gypsies of the XVIII – at the beginning: providing income by lawful (earnings) and illegal. The second group has the role of a "safeguard mechanism" to prevent the infiltration of foreign influence into the caste system. The activation of this mechanism is a natural phenomenon and indicates the weakening of the first group of caste norms. The authors project the conclusions to the current state, showing that in the Russian conditions the activation of the "safeguard mechanism" is uneven. The article emphasizes that culture of Gypsies is the only one in Russia, which preserved archaic caste ideas, characteristic of a completely different civilizational space. The study of the interaction of these norms is important not only for Russia but also for India, which is now trying to transform its caste system.

Keywords: Gypsies, castes, Siberia, Tyumen, Gypsy crime, Roma culture, songs, dances, divination, traditional culture.

1. Введение

«Цыганский вопрос», вызванный межкультурными противоречиями, является одним из наиболее актуальных в современном цивилизованном мире: высокий уровень маргинальности и криминализации цыган сохраняется как в европейском социуме, так и на постсоветском пространстве. Анализ исторической и современной ситуации показывает исключительную сложность процессов социализации цыган, отчего страдает и сам народ. В 2013 г. Правительство РФ приняло Комплексный план мероприятий по оказанию «особой помощи» цыганам (ромам) России, который предполагает развитие их культуры и образования, в том числе на родном языке, а также включение их в современные коммерческие проекты (Смирнова-Сеславинская, 2013а: 187).

Для успешной реализации этого плана нужен исторический опыт, в частности примеры полной социализации цыган с детальным анализом этих случаев. По ряду параметров – механизмам традиционной культуры, способам функционирования родного языка и другим – культура цыган близка народам Сибири (Смирнова-Сеславинская, 2013а: 156), что обуславливает ее более легкое вхождение в местный социум. Поэтому случаи полной социализации, наблюдаемые у «русских цыган» (*русска рома*), наиболее показательны в их субгруппе «сибирские цыгане» (*сибирска рома*). Самый яркий пример сложился на территории Тюменского региона (юга Тюменской области), где *сибирска рома*, отказавшись от табора как способа социальной организации, фактически создали

* Corresponding author

E-mail addresses: oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko)

адаптационный механизм для молдавских и других групп цыган, осевших в регионе в последние десятилетия.

В результате в г. Тюмени с населением менее 800 тыс. чел. живет около 3 тыс. ромов разных этнических групп (включая цыган-мусульман), имея частные дома в четырех «цыганских» районах, где также проживают русские и татары. *Тюменские* ромы делятся на две основные группы:

1) имеющие корни в *русска рома*, – они полностью вошли в местный социум, отказавшись от табора, национальной одежды и традиционных занятий, но сохранили самоидентификацию и ряд базовых компонентов культуры;

2) молдавские цыгане *кэлдэрари*, которые идут по схожему пути социализации: они открыли единственную в России цыганскую общеобразовательную школу, получив лицензию; смогли преодолеть национальную «цыганскую» преступность, отказаться от уличных гаданий. Согласно данным МВД РФ, криминальные истории связаны не с ними, а исключительно с новыми группами цыган-мигрантов, прибывшими из других регионов (Шукин, 2015: 74). Ситуацию в таборе *кэлдэрари* однозначно охарактеризовал цыганский барон и глава общественной организации цыган Тюмени и Тюменской области Г.С. Виноградов: «По цыганским меркам, мы – пример для других областей, о нас говорят, на нас равняются» (Больше не гадаем, 2018).

Сложившаяся ситуация имеет глубокие исторические корни, которые с XVIII в. поэтапно готовили почву для позитивных изменений. Народ, сформировавшийся из разных этнических групп цыган, к концу XIX в. принял самоназвание *сибирска рома* и до настоящего времени оказывает влияние на прибывающих цыган-мигрантов. Получившийся результат стал следствием сочетания множественных факторов, связанных с культурным ландшафтом региона, природно-климатическими и социально-экономическими особенностями. Изменения были вовремя замечены властью, которая для их закрепления смогла добавить нужный гуманитарный и финансовый импульс.

Цель исследования: на территории Тюменского региона XVIII – начала XX вв. рассмотреть исторически сложившиеся условия социализации цыган через трансформацию их кастового сознания.

2. Материалы и методы

В основе исследования лежит Общая теория систем (Bertalanffy, 1968) в ее синергетическом понимании, утверждающая, что погруженные в хаос элементы сами выстроятся в наиболее вероятной последовательности. Эта теория, сложно применимая для социума вообще, в рассматриваемом случае оказалась удачной иллюстрацией этого подхода, показав, что социальный хаос может быть направляем в нужное русло, причем не только административной властью, а самими компонентами системы, определенное сочетание которых и дает желаемый эффект.

Цыгане, прибывая в Тобольскую губернию, погружались в новую для себя социальную реальность. Тюмень, будучи «воротами в Сибирь», принимала поселенческий (и переселенческий) мир, похожий на Библейский Вавилон, в котором смешивались религии, национальности, культуры, языки, социальные статусы и мировоззренческие установки, но в сложных условиях выживания в конечном итоге все они складывались (включались) в определенную систему – сложный многослойный культурный ландшафт. В результате происходила частичная унификация культур, которая обеспечивала стабильное функционирование этой системы в условиях Сибири. Цыгане не могли находиться за пределами сибирского социума в силу специфики видов деятельности, требовавших каждодневного общения с людьми. Попадая в новую среду, компоненты традиционной цыганской культуры погружались в хаос, приходили в движение, адаптируясь к новым условиям, и выстраивались в другой комбинации, где на первый план выдвигались второстепенные и ранее не столь значимые нормы, а прежде важные – ослабевали и исчезали, уступая место заимствованным. Этот сложный процесс выдерживали не все, в итоге покидая Сибирь. Оставшиеся становились *сибирска рома* или просто «сибиряками».

Среди методов исследования использованы: 1) метод *актуализации*, позволивший спроецировать современное состояние цыганской культуры на прошлое и выявить ее базовые компоненты, отвечающие за стабильность кастового сознания; 2) *сравнительно-исторический*, при котором оказалось возможным проследить изменения, происходившие в кастовых нормах сибирских ромов на различных исторических этапах.

Источниковой базой исследования послужили материалы Государственного архива Тюменской области и этнографические данные. Архивные фонды характеризуют условия, в которые попадали ромы-переселенцы, а также место, занятое ими в социуме; статистические материалы содержат официальные данные о численности цыган в Тобольской губернии и информацию о местах их расселения. Этнографические материалы характеризуют внутреннее содержание цыганской культуры, в том числе нормы, определяющие кастовое поведение. Наибольшей сложностью является отсутствие письменных источников цыганского происхождения.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема пока не стала предметом научного интереса в публикационной сфере. Работы по истории и культуре *сибирска рома* и непосредственно тюменских цыган, изданные до

1990-х гг., являются этнографическими и имеют сложную научную судьбу из-за стереотипов общественного сознания и политико-идеологических препятствий. Часть исследований с упоминанием цыган Сибири, Тюмени и Тобольска опубликована в Европе на иностранных языках (Bell, 1763; Sauer, 1802; Sanarov, 1967 и др.). Другая часть, изданная в Сибири, состоит из этнографических наблюдений, ряд которых отражает крайнюю степень национализма (Голодников, 1879 и др.). Третья часть исследований по *сибирска рома*, на русском и цыганском языках, появилась в советский период после снятия негласного запрета на цыгановедение. Научный задел так и не получил продолжения, будучи представленным лишь ранними (даже студенческими) работами В.И. Санарова, жившего в детстве в таборе, затем найденного родителями и вернувшегося к сибирским цыганам после окончания университета (Санаров, 1967 и др.). Богатейший материал, собранный им более чем за 30 лет жизни в таборе, не опубликован и считается утерянным. Работы же современных авторов традиционно носят этнографический или лингвистический характер (Черных, 2003 и др.). В целом в цыгановедении пока нет исследований о процессе трансформации кастовых представлений сибирских цыган.

4. Результаты

Одна из главных особенностей культуры цыган – сохранение до настоящего времени пережитков кастового строя, унаследованного из индийского общества. Полагаем, что именно этот рудимент определяет состояние их культуры и самоидентификации, сохраняет и культивирует в поколениях одни и те же виды деятельности и, таким образом, препятствует социализации в современном мире. Среди исследователей нет единства относительно конкретной кастовой принадлежности предков современных цыган, но наиболее вероятной представляется версия о полукочевой касте «дом», которая в Индии фактически существует до настоящего времени, принадлежит к низшим слоям общества и занимается пением и танцами, а также ремеслами, связанными с металлом (Черных, 2003: 6).

Анализ традиционной культуры позволяет утверждать, что для потомков этой касты характерны две группы норм: обеспечивающие доход правомерным путем (заработком) и противоправным (называемым «цыганской хитростью»). Доминирование второго подхода происходит в условиях, когда правомерный путь по каким-либо причинам не обеспечивает необходимое материальное благополучие. В цыганской философии право на воровство обосновано Библейской легендой: «Бог разрешил цыганам обманывать. Когда Иисуса Христа понесли на распятие, тогда цыган украл гвоздь. Когда его спросили, сказал: "Ей Богу, не брал!" Взял и проглотил этот гвоздь. И тем самым немножко продлил жизнь Иисусу Христу» (Черных, 2003: 8).

Обратим внимание, что такая философия применима только к цыганам-христианам; ромы иных вероисповеданий создавали свои легенды. Это свидетельствует о наличии в их культуре общих и более древних норм, которые в определенной ситуации оправдывали (и формировали) противоправное поведение. В Индии это вызвало появление особой категории «преступных каст», которые «специализировались» на определенных видах незаконной деятельности: каста *бхампта* (железнодорожные кражи), касты *холи* и *баухари* (кража скота), каста *канджаров* (похищение людей и грабежи) и т.д. (Крашенинникова и др., 2018: 71). Сибирские цыгане тоже не позволяли себе выходить за рамки определенной сферы, что еще раз подчеркивает связь их сознания с древними кастовыми представлениями.

В целом в мировой истории касты появлялись в условиях высокой плотности населения. Они не просто упорядочивали отношения в обществе, а помогали выжить членам своей фамилии, так как, с одной стороны, гарантировали работу, а с другой – обеспечивали постоянный спрос на товары и услуги, ограничивая конкуренцию. Поэтому в современной Индии сохранение каст практически в прежнем виде (Krishna, 2003), несмотря на государственную политику по отказу от них, напрямую связано с неизменностью изначальных условий, в которых они формировались, и, соответственно, с прежней потребностью в них. Поэтому исчезновение кастового строя возможно лишь в абсолютно противоположных демографических, социокультурных, географических и климатических условиях. Такая возможность сложилась именно в Сибири; при этом XVIII, XIX и XX вв. стали отдельными этапами, на которых происходило изменение определенных элементов кастового сознания цыган.

Самые ранние источники о ромах на территории Тюменского региона зафиксированы в начале XVIII столетия в записках путешественника Джона Бэллока, где говорится, что в 1721 г. он встретил табор из 60 чел. в Тобольске. Цыгане шли из Европы (Польши) на восток, в Китай, но губернатор не разрешил им двигаться дальше без паспортов (Bell, 1763: 157–158). В правление Екатерины II сохранились свидетельства о ссыльных цыганах: в частности, это дело местной Управы «О розыске беглых цыган и не явившихся по вызову» (ГАТО, Ф. И-10. Оп. 10. Д. 402).

Для Екатерины II была характерна политика унификации культур российских народов и упорядочения их этно-конфессиональных отношений (Bortnikova et al., 2016), и кочевые цыгане не стали исключением. В конце XVIII в. путешественник М. Сауэр видел, как в рамках этой политики Тобольский губернатор пытался отучить многочисленный цыганский табор от кочевой жизни: «Он обустроил им крестьянское обзаведение, надеясь их таким образом сделать полезными для общества. Они, однако, отказались от домов... и не способны ни к какому регулярному занятию; но

они следят за каждым приезжим, чтобы раскрыть ему его участь, которую они якобы читают по руке или по лицу. Крестьяне боятся их магии и помогают им выживать, из страха, как бы они не навредили их рогатому скоту или лошадям. Говорят, они очень искусные кузнецы и изготовители подков, и ветеринары» (Sauer, 1802: 331).

Эти и другие свидетельства XVIII в. объединяют три отличительные особенности, характеризующие систему представлений местных цыган.

Во-первых, они – искусные мастера по профессиям своей касты: гадания, предсказания, кузнечного дела. Однако в Сибири эти сферы были уже частично заняты: например, лишь 4 % ромов смогли стать кузнецами даже к 1897 г. (Смирнова-Сесловинская, 2013b: 33). В XVIII–XIX вв. на сибирском Севере это ремесло имело специфику: кузнецы нередко воспринимались как шаманы, что отразилось в поговорке «Кузнец и шаман из одного гнезда» (Косарев, 1991: 190). Предполагалось, что кузнецы могли предсказывать будущее и лечить людей, а также проводить магические обряды (Косарев, 1991: 190), эти функции соответствовали цыганской культуре, но выполняли их женщины. Магическая составляющая кузнечного дела создавала препятствия *ромам* для реализации в этой сфере.

У цыганок-гадалок также были серьезные конкуренты не только в виде шаманов, но и местных ведуний, которых старожилы хорошо знали и к которым традиционно обращались. Размах шаманских магических практик был таким, что в XVIII в. власти серьезно опасались массового отхода прихожан от православия (Косарев, 1991: 196). Поэтому цыганские гадалки оказались на второстепенной ступени в иерархии сибирских предсказателей; не случайно в приведенном выше источнике говорится о боязни тоболяков: цыганкам приходилось их припугивать, чтобы те платили за «магические» услуги или за свой покой.

Во-вторых, ромы оказались недостаточно востребованы сибирским социумом как танцоры и певцы. В Европейской России спрос на цыганские хоры существовал в основном среди дворянства, купечества и офицерства, а в Тобольской губернии их численность была в 2 раза меньше (Ильин, 1861: 262). Цыган в Сибири тоже было меньше, что в целом сохраняло пропорцию, но потребители музыкальных услуг были распылены по огромному пространству. Поэтому песенно-танцевальные профессии касты не могли гарантировать ромам такой же доход, как в Европейской России.

В-третьих, по сравнению с XIX столетием в XVIII в. не сохранилось ни одной крайне негативной характеристики местных цыган, в т.ч. как мошенников, воров и конокрадов. Наоборот, в этнографических описаниях и архивных источниках проявляется сочувствие и желание им помочь: не случайно тобольский губернатор в 1780-х гг. организовал для них строительство домов (Sauer, 1802: 331). Подобные факты подчеркивают, что именно кастовые профессии, а не противоправное поведение были главным видом деятельности кочевавших по Сибири цыган, преступность в их среде не доминировала, а в сибирской ссылке они находились в основном за бродяжничество.

Через 100 лет отношение к ним изменилось, что отразила работа тобольского краеведа К.М. Голодникова с названием «Проклятое племя». Известный и уважаемый в губернии исследователь, написавший ряд этнографических работ о местных культурах, в отношении цыган выразил негодование, подчеркивая, что они «всецело предаются воровству, плутовству и мошенничеству»: гадание теперь – не заработок, а прикрытие краж; коневодство превратилось в конокрадство и в многочисленные формы мошенничества с лошадьми (Голодников, 1879). Однако описанные этнографом факты полностью соответствуют общей тенденции изменений, происходивших в системе кастовых норм *сибирска рома*. Причиной такой трансформации стала недостаточная востребованность традиционных профессий, которые больше не могли обеспечить желаемое благополучие. Поэтому в цыганской культуре произошло смещение акцентов в сторону противоправного поведения, заложенного архаичными индийскими варно-кастовыми представлениями.

Наиболее серьезная деформация, по всей вероятности, стала проявляться уже в первой половине XIX в., когда цыганское сообщество Тобольской губернии пополнилось новыми группами, сосланных за конокрадство и мошенничество. Более 90 % цыган Тобольской губернии были приписано к сельской местности (Смирнова-Сесловинская, 2013и: 27), туда же на «перевоспитание» отправляли партии уголовных преступников на протяжении всего XIX в., в том числе в рамках гуманизации наказания (Науменко и др., 2017: 200). Поэтому смещение акцентов в кастовых нормах цыган вполне вписывалось в местную правовую культуру, в которой далеко не всегда преступления считались асоциальным и противоправным поведением, например: «краденое лучше растет» (Альмухаметова, 2017: 70).

В этих условиях искусство цыганской кражи, и особенно конокрадство, приобрело невероятный масштаб, о чем свидетельствуют выдержки из официальных отчетов по Тобольской губернии за разные годы XIX в.: «Несмотря на занятие некоторых из них хлебопашеством, почти все поголовно занимаются кражами вообще, и конокрадством в частности» (Отчет, 1899: 62). «Коннокрадство было и остается бичом в южных районах губернии, граничащих со степью» (РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 228. Л. 46). «...На юге губернии продолжают царить выкупы лошадей, кражи коней вооруженными шайками и т.п.» (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 519. Л. 257). Искусство кражи коней достигло совершенства даже в местных тюрьмах, иногда с применением гипнотического воздействия: «20 февраля с.г. на территорию тюремного замка был допущен поставщик стройматериалов...

Оставив лошадь с телегой в тюремном дворе, он пошел к смотрителю тюрьмы и, вернувшись через четверть часа, ее не нашел. Лошадь с телегой исчезли... Активные поиски целого отряда надзирателей успеха не дали» (ГАТО в г. Тобольске, Ф. 20. Оп. 1. Д. 32. Л. 12). Лишь после серьезных переговоров смотрителя Тобольского тюремного замка с «фокусником» лошадь с телегой появилась на месте, причем так же неожиданно, как исчезла.

Отметим, что цыгане не так часто попадались на конокрадстве. Сохранились данные по этническому составу преступников в Енисейской губернии, в целом отражающие общесибирскую тенденцию: среди сотен случаев конокрадства цыгане не фигурируют вообще (Хоменко, 2016: 112–116), т.к. основное внимание правоохранительных органов было приковано к сопутствующим преступлениям: убийствам и разбою, а для цыган это было не характерно. Однако, если учесть, что в Тобольской губернии три четверти дел о конокрадстве вообще оставалось нераскрытым (РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 228. Л. 46), то можно представить долю цыган в этих преступлениях.

Одновременно с ростом преступности в цыганском сообществе происходило приобретение новых и развитие прежних профессиональных навыков, выходящих за рамки кастового сознания. В частности, цыгане активнее включались в ремесленные промыслы, изготавливая металлическую посуду, решета, корзины и др., занимались «врачеванием людских и скотских болезней» и торговлей скотом (Голодников, 1879), а также сельским хозяйством и огородничеством, «деятельностью и службой частной» (Смирнова-Сеславинская, 2013b: 30). В начале XX в. им была известна аренда. В Сибири цыгане в пользование бесплатно получали земельные участки, где начинали строить дома и заниматься земледелием. Некоторые семьи летом отправлялись кочевать, а участки сдавали в аренду, получая регулярный ежегодный доход, на который жили и иногда платили государственные подати (Бессонов и др., 2000). Полный уход с места жительства означал потерю участка. Таким образом, у *сибирска рома* формировалась связь с конкретным сельским поселением.

На рубеже XIX–XX вв. начался новый этап добровольной цыганской миграции в Сибирь: с территории Украины и Молдовы в губернию прибывали молдавские цыгане, позднее – крымские. Они кочевали по Сибири, подчас не попадая в официальную статистику, поэтому власти опирались на подсчеты оседлых цыган. Получалось, что число ромов не увеличивалось, а уменьшалось: если в 1879 г. на территории региона их проживало 2026 чел., то по переписи 1897 г. – уже 1526 чел., а в 1926 г. – только 140 (Тюменская область, 2007: 346).

Причины этого несоответствия связаны с двумя процессами.

Во-первых, часть цыган вернулась на прежнее место жительства, особенно после отмены ссылки в 1900 г. Однако не все ромы были ссыльными. Возврат на прежнее место жительства был крайне невыгоден с финансовой точки зрения: одним цыганам важно было сохранить земельный участок, другим – клиентуру из сибирских старожилов, психологию и культуру которых они хорошо знали. Учитывая эти обстоятельства, версия о массовой миграции цыган из Сибири в конце XIX в. вряд ли оправдана, и случаи возврата не носили повсеместного характера.

Во-вторых, уменьшение численности цыган может объясняться тем, что в культурном плане они уже разделились: часть, прибывшая в Сибирь раньше, начала переходить к оседлому образу жизни, сельскохозяйственному труду или торговле и во время переписи 1897 г. назвала себя русскими. Действительно, в конце XIX в. при инспектировании ссыльнопоселенческих поселков, куда отправляли и цыган, тобольский губернский инспектор писал, что «этот элемент» постепенно сливается с русским населением (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 519. Л. 257). Очевидцы также свидетельствуют, что долго живущие в Сибири цыгане меняют образ жизни и называют себя «сибиряками» (Бессонов и др., 2000). Такие изменения говорят о серьезном ослаблении связи с кастовой культурой и о формировании новой самоидентификации.

В советский период были приняты меры, нацеленные на дальнейшую трансформацию культуры ромов и формирование оседлого образа жизни: создавались цыганские колхозы, открывались школы, вводилась уголовная ответственность за уклонение от трудовой повинности и бродяжничество. Однако у многих групп цыган началось возрождение кастовых норм и кочевого образа жизни, как только государство ослабило контроль. Процесс не был повсеместным, но цыганские таборы начали движение по России, пик чего пришелся на 1990-е гг.

Тюменских цыган субгруппы *сибирска рома* с корнями из *русска рома* это явление не коснулось. У них теперь нет своего барона, но появились дипломированные юристы, врачи и учителя; женщины не носят национальную одежду и отошли от прежних видов занятий; все они приобрели постоянную территорию, что проецируется и на молдавских цыган: «Тюмень – наш родной город, и мы не представляем себя в другом месте» (Больше не гадаем, 2018). Тюменские цыгане больше не привязаны к кастовым нормам, соответственно, исчезла этническая преступность. Современные цыгановедческие исследования показали четкую взаимосвязь между уровнем преступности ромов и регионом проживания: самый высокий коэффициент – в климатически теплых, комфортных для проживания регионах России, где процессы социализации цыган затормаживаются (Саликин, 2016).

Формирование субгруппы *сибирска рома* как производной от *русска рома* исследователи связывают с первоначальными этническими группами, давшими им начало, как считается, это польские и украинские цыгане *сэрвы*, понимавшие русский язык и знакомые с русской (славянской) культурой. Однако в числе переселенцев были также молдавские цыгане *кэлдэраи* (Смирнова-

Сеславинская, 2013b: 33), отличающиеся от первых по языку и традициям, но, как считается, также вошедшие в *сибирска рома*. В 1970–2000 гг. на территории Тюменской области осели новые группы молдавских ромов, прибывших из других областей, и для региона процесс социализации таборов начался вновь. Решение всех «цыганских» проблем проводится разными группами совместно, таким образом, происходит трансляция и закрепление традиций, выходящих за рамки кастового сознания. История социализации цыган в Тюменском регионе начала второй круг.

5. Заключение

Кастовая организация социума представляет собой глубокий пласт этнического сознания. Его содержание практически не изменяется в историческом времени, представляя собой стабильно функционирующую систему. Однако в условиях российской действительности происходит объективный процесс трансформации кастовых норм; наибольшая динамичность наблюдается в Сибири, в т.ч. в кочевых культурах. Но если коренные народы Сибирского Севера были изначально открыты к внешним культурным заимствованиям, то с ромами было наоборот. Их мировоззренческая система формировалась в других условиях и в абсолютно ином цивилизационном пространстве. Специфика кастового сознания, возникшего во всесторонне обогащенной древнеиндийской культуре, состояла как раз в том, чтобы не допустить чужеродного влияния в гармоничную для того времени социальную систему. В качестве «охранительного механизма» кастовое сознание создало возможность противоправных действий в случае опасности для своих базовых норм. В XVIII в. этот «охранительный механизм», вырванный из привычной среды и перенесенный на российскую почву, начал постепенно активизироваться, но если в Сибири этот процесс уже идет на спад, то в Европейской России он лишь достиг своего апогея. Однако рост преступности в цыганском обществе является признаком ослабления и снижения ценности остальных кастовых норм, препятствующих культурной адаптации.

Методы социализации цыган не должны нести угрозу ассимиляции или полной русификации. Культура ромов самоценна не только как пример толерантного отношения к другим религиям и народам, стабильности семейных ценностей и других содержательных характеристик, но и по причине ее исключительной уникальности: она – единственная в России, в которой сохранились архаичные кастовые представления, характерные для абсолютно иного цивилизационного пространства. Каким образом взаимодействуют компоненты двух разных культурных векторов и как проявляют себя кастовые нормы в чужеродной для себя среде, – этот вопрос важен не только для России, но и для Индии, пытающейся изменить свой кастовый строй для поступательного развития страны.

Литература

Альмухаметова, 2017 – Альмухаметова М.Ш. Понятие «преступление» в представлении крестьян Российской империи // Культура, образование и право в международном инновационном пространстве. Тюмень: ООО «Международный институт», 2017. С. 69–71.

Бессонов и др., 2000 – Бессонов Н., Деметер Н. История цыган – новый взгляд. Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://gypsy-life.net/history17.htm> (дата обращения: 20.05.2018).

Больше не гадаем», 2018 – «Больше не гадаем». Цыганский барон о том, как меняется жизнь в таборе. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tmn.aif.ru/culture/bolshe_ne_gadaem_cyganskiy_baron_o_tom_kak_menyuetsya_zhizn_v_tabore (дата обращения: 20.05.2018).

Голодников, 1879 – Голодников К.М. Проклятое племя // Тобольские губернские ведомости. 1879. № 18, 20, 23, 43. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liloro.ru/romanes/golodnikov1.htm> (дата обращения: 20.05.2018).

ГАТО – Государственный архив Тюменской области.

ГАТО в г. Тобольске – Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске.

Косарев, 1991 – Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Крашенинникова и др., 2018 – Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Формирование института соучастия в уголовном праве Индии XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 22. № 1. С. 66–90.

Ильин, 1861 – Ильин В. Статистические сведения по Тобольской губернии за 1861 г. // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 39. С. 2–3.

Науменко и др., 2017 – Науменко О.Н., Науменко Е.А. «Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 198–208.

Отчет Тобольской тюремной инспекции... – Отчет Тобольской тюремной инспекции за 1898 г. Тобольск: Губернская типография, 1899. 124 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Салекин, 2016 – Салекин С.М. Кражи из жилища в сельской местности, совершаемые цыганами, как объект криминалистического исследования // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3–7. С. 89–93.

- Санаров, 1967** – Санаров В.И. Социологические аспекты изучения сибирских цыган // *Пятая Всесоюзная студенческая этнографическая конференция*. Вильнюс, 1967. С. 35–38.
- Смирнова-Сеславинская, 2013а** – Смирнова-Сеславинская М.В. Цыганский язык и языковая образовательная среда России в XIX – начале XX вв. / *Цыганский язык в России. Сборник материалов*. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 153–198.
- Смирнова-Сеславинская, 2013б** – Смирнова-Сеславинская М.В. Цыгане Западной Сибири и Урала в историко-этнографических источниках и исследованиях XVIII – начала XXI вв. / *Цыгане в Оренбургском социуме*. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. С. 22–43.
- Тюменская область, 2007** – Тюменская область: народы, языки, культуры. Энциклопедический справочник. Тюмень: ИПЦ «Экспресс». 410 с.
- Хоменко, 2016** – Хоменко Д.Ю. Социальный и этнический состав преступников в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. № 5 (170). С. 112–116.
- Черных, 2003** – Черных А.В. Пермские цыгане: Очерки этнографии цыганского табора. Пермь: Изд-во Пермского государственного университета, 2003. 60 с.
- Щукин, 2015** – Щукин А.М. Особенности противодействия цыганской наркопреступности в Тюменской области // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. 2015. № 13–1. С. 74–76.
- Bell, 1763** – *Bell Jh.* Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia: [in 2 vol.] Vol. 2. Glasgow: Foulis, 1763. 426 p.
- Bertalanffy 1968** – *L. von Bertalanffy*. General System theory: Foundations, Development, Applications. New Yourk: George Braziller, 1968. 289 p.
- Bortnikova and al., 2016** – *Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A.* Regulation of Islamic Art in Confessional Policy of Catherine II (on Materials of the Tyumen region) // *Bylye Gody*. 2016. № 40 (2). pp. 356–362.
- Krishna, 2003** – *Krishna A.* What is happening to caste? A view from some North Indian village // *Journal of Asian studies*. 2003. Vol 62. No 4. pp. 1171–1193.
- Sauer, 1802** – *Sauer M.* An account of geographical and astronomical expedition to the northern part of Russia. London: T. Cadell, 1802. 332 p.
- Sanarov, 1967** – *Sanarov V.I.* Chez les Bedoni de la Ville de Tioumen // *Etudes Tsiganes*. 1967. No 13 (1-2). pp. 5–13. [in Franch, in Gyps]

References

- «Bol'she ne gadaem», 2018** – «Bol'she ne gadaem». Cyganskij baron o tom, kak menyaetsya zhizn' v tabore ["No more guessing". Gypsy Baron on how life in the camp changes]. [Electronic resource]. URL: http://www.tmn.aif.ru/culture/bolshe_ne_gadaem_cyganskiy_baron_o_tom_kak_menyaetsya_zhizn_v_tabore (date of the address: 20.05.2018). [in Russian]
- Almuhametova, 2017** – *Almuhametova M.Sh.* (2017). Ponyatie «prestuplenie» v predstavlenii krest'yan Rossijskoj imperii [The Concept of "crime" in the view of peasants of the Russian Empire] // *Kul'tura, obrazovanie i pravo v mezhdunarodnom innovatsionnom prostranstve*. Tyumen': ООО «Mezhdunarodnyi institut». pp. 69–71. [in Russian]
- Bell, 1763** – *Bell Jh.* (1763). Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia: [in 2 vol.]. Vol. 2. Glasgow: Foulis. 426 p.
- Bertalanffy, 1968** – *L. von Bertalanffy* (1968). General System theory: Foundations, Development, Applications. New Yourk: George Braziller. 289 p.
- Bessonov et al., 2000** – *Bessonov N., Demeter N.* (2000). Istoriya cygan – novyj vzglyad. [History of Gypsies-a new look]. Voronezh: IPF "Voronezh". [Electronic resource]. URL: <http://gypsy-life.net/history17.htm> (date of the address: 20.05.2018). [in Russian]
- Bortnikova et al., 2016** – *Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A.* (2016). Regulation of Islamic Art in Confessional Policy of Catherine II (on Materials of the Tyumen region). *Bylye gody*. No. 40 (2). pp. 356–362.
- Chernykh, 2003** – *Chernykh A.V.* (2003). Permskie cygane: Oчерki ehtnografii cyganskogo tabora [Perm Gypsies: Essays on the Ethnography of the Gypsy camp]. erm': Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 60 p. [in Russian]
- GATO in Tobolsk** – Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti v g. Tobol'ske [The State archive of the Tyumen region in Tobolsk].
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [The Public Archive of the Tyumen region].
- Golodnikov, 1879** – *Golodnikov K.M.* (1879). Proklyatoe plemya [Cursed tribe]. Tobolsk provincial sheets. 1879. №№ 18, 20, 23, 43. [Electronic resource]. URL: <http://www.liloro.ru/rmanes/golodnikov1.htm> (date of the address: 20.05.2018). [in Russian]
- Ilyin, 1861** – *Ilyin V.* (1861). Statisticheskie svedeniya po Tobol'skoj gubernii za 1861 god [Statistical data on the Tobolsk province for 1861]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. No. 39. pp. 2–3. [in Russian]
- Khomenko, 2016** – *Khomenko D.Yu.* (2016). Social'nyj i ehtnicheskij sostav prestupnikov v Enisejskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Social and ethnic composition of criminals in the Yenisei

province in the second half of the XIX–early XX century]. *Bulletin of the Tomsk State pedagogical University*. № 5 (170). pp. 112–116. [in Russian]

Kosarev, 1991 – *Kosarev M.F.* (1991). *Drevnyaya istoriya Zapadnoj Sibiri: chelovek i prirodnyaya sreda* [The Ancient history of Western Siberia: man and the natural environment]. M.: Nauka. 302 p. [in Russian]

Krasheninnikova et al., 2018 – *Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N.* (2018). Formirovanie instituta souchastiya v ugovolnom prave Indii XIX v. [Formation of the Institute of complicity in the criminal law of India in the XIX century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Vol. 22. No. 1. pp. 66–90. [in Russian]

Krishna, 2003 – *Krishna A.* (2003). What is happening to caste? A view from some North Indian village. *Journal of Asian studies*. Vol. 62. No 4. pp. 1171–1193.

Naumenko et al., 2017 – *Naumenko O.N., Naumenko E.A.* (2017). «Синдром Брежневика» в Тобол`ском тюремном замке ["Brejnev's Syndrome" in Tobolsk prison castle]. *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 3. pp. 198–208.

Otchet, 1899 – *Otchet Tobol'skoj tyuremnoj inspekcii za 1898 g.* [Report Tobolsk prison inspection for 1898]. Tobol'sk: Gubernskaya tipografiya, 1899. 124 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian Public Historical Archive].

Salekin, 2016 – *Salekin S.M.* (2016). Krazhi iz zhilishcha v sel'skoj mestnosti, sovershaemye cyganami, kak ob`ekt kriminalisticheskogo issledovaniya [Thefts from dwellings in the countryside perpetrated by the Gypsies, as an object of forensic investigation]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. No. 3–7. pp. 89–93. [in Russian]

Sanarov, 1967 – *Sanarov V.I.* (1967). Sociologicheskie aspekty izucheniya sibirskih cygan [Sociological aspects of the study of Siberian Gypsies]. *Pyataya Vsesoyuznaya studencheskaya etnograficheskaya konferentsiya*. Vilnius, pp. 35–38. [in Russian]

Sanarov, 1967 – *Sanarov V.I.* (1967). Chez les Bedoni de la Ville de Tioumen. *Etudes Tsiganes*. No. 13 (1–2). pp. 5–13. [in Franch, in Gyps]

Sauer, 1802 – *Sauer M.* (1802). An account of geographical and astronomical expedition to the northern part of Russia. London: T. Cadell, 332 p.

Shchukin, 2015 – *Shchukin A.M.* (2015). Osobennosti protivodejstviya cyganskoj narkoprestupnosti v Tyumenskoj oblasti [Peculiarities of the Roma combating drug-related crime in the Tyumen region]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. No. 13–1. pp. 74–76. [in Russian]

Smirnova-Seslavinskaya, 2013a – *Smirnova-Seslavinskaya M.V.* (2013). Cyganskij yazyk i yazykovaya obrazovatel'naya i yazykovaya obrazovatel'naya sreda Rossii v XIX – nachale XX vv. [Gypsy language and language educational and language educational environment of Russia in XIX–early XX centuries] *Tsyganskij yazyk v Rossii. Sbornik materialov*. SPb.: Nestor-History. pp. 153–198. [in Russian]

Smirnova-Seslavinskaya, 2013b – *Smirnova-Seslavinskaya M.V.* (2013). Cygane Zapadnoj Sibiri i Urala v istoriko-etnograficheskikh istochnikah i issledovaniyah XVIII – nachala XXI vv. [Gypsies of Western Siberia and the Urals in historical and ethnographic sources and studies of the XVIII–early XXI centuries]. *Tsygane v Orenburgskom sotsiume*. Orenburg: OOO IPK "Universitet". pp. 22–43. [in Russian]

Tyumen region, 2007 – *Tyumenskaya oblast': narody, yazyki, kul'tury*. Enciklopedicheskij spravocchnik [Tyumen region: peoples, languages, cultures. Encyclopedic reference book]. Tyumen: CPI "Express". 410 p. [in Russian]

Трансформация кастового сознания сибирских цыган в XVIII – начале XX вв. как фактор их культурной социализации

Ольга Николаевна Науменко ^{a, *}, Евгений Александрович Науменко ^b

^a Югорский государственный университет, Российская Федерация

^b Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе синергетического подхода рассматривается механизм социализации цыган в условиях Сибири на примере Тюменского региона. Авторы подчеркивают, что в целом в России процесс трансформации кастового сознания происходит в более короткие сроки, чем на прародине цыган – в Индии, а в Сибири наблюдается еще большая динамичность в силу природно-климатических и социокультурных особенностей региона. В результате процессов социализации появилась субгруппа «сибирские цыгане», которая полностью интегрирована в местное общество при сохранении традиционной культуры. Исследование построено на основе анализа в культуре сибирских цыган XVIII – начала XX вв. двух групп кастовых норм: обеспечивающих доход правомерным путем (заработком) и противоправным. Вторая группа норм

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко), hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко)

играет роль «охранительного механизма», чтобы не допустить проникновения чужеродного влияния в кастовую систему. Активизация этого механизма является закономерным явлением и свидетельствует об ослаблении первой группы кастовых норм. Авторы проецируют выводы на современное состояние цыганской культуры, показывая, что в российских условиях активизация «охранительного механизма» неравномерна: в Сибири этот процесс уже идет на спад, а в Европейской России он лишь достиг своего апогея. В статье подчеркивается, что культура цыган – единственная в России, в которой сохранились архаичные кастовые представления, характерные для абсолютно иного цивилизационного пространства. Изучение взаимодействия таких норм в разных условиях важно не только для России, но и для Индии, которая сейчас пытается трансформировать свой кастовый строй.

Ключевые слова: цыгане, касты, Сибирь, Тюмень, цыганская преступность, культура ромов, песни, танцы, гадания, традиционная культура.